М.Б. Горнунг, Москва

ДВОРЯНСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА НА РУССКИХ ЭКСЛИБРИСАХ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Геральдика и экслибристика[1] тесным образом связаны с самого возникновения книжных знаков, тиражированных любым печатным способом. Когда в Европе в XVI в. обычную владельческую запись пером на книге все чаще стали заменять приклеиваемым листком с оттиском гравюры (на дереве, меди или стали), то первыми изображениями на них стали гербы хозяев библиотек. Это происходило и в России, где первые экслибрисы-гравюры появились в начале XVIII в. За малыми исключениями все они были тогда гербовыми. Позже к гербам на книжных знаках стали добавлять надписи: "Из книг", имя, звания, должности владельца и т. п., чтобы уточнить место его в роду, на который указывал герб.

До конца XVIII – начала XIX в. гербы на экслибрисах продолжали занимать основное место, хотя все больше герб теснили не только надписи, но и декоративные виньетки и другие украшения. К середине XIX в. в России, как и во всем читающем мире, гербовые экслибрисы постепенно вытеснялись текстовыми наборными ярлыками с именем владельца, который все чаще никогда и не имел фамильного герба. К концу XIX в. нарастает лавина так называемых сюжетных книжных знаков для купеческих, разночинных и иных библиотек. Исполнение рисунков на таких экслибрисах зависело уже не от геральдических канонов, а от вкуса и общего уровня культуры как художника, так и особенно заказчика знака.

С начала XX в. геральдические эмблемы на эклибрисах чаще всего можно увидеть на книгах из собраний еще не разорившейся дворянской знати. Все же в течение всего XX в. во многих странах появляются новые экслибрисы с фамильными гербами. По иному с первой четверти уходящего столетия судьба геральдических книжных знаков сложилась в нашем государстве.

Всего через несколько дней после октябрьского переворота в 1917 г. было, как известно, объявлено об "уничтожении" всех старых званий, титулов, чинов. Сразу вслед за этим были запрещены всякие "наружные знаки" сословного или должностного отличия. Именно поэтому в последовавшие годы красного террора и вызванной им гражданской войны в ходе повальных обысков у "буржуев" особую ярость у обыскивавших вызывали любые предметы с дворянской геральдической символикой. Об этом и сегодня помнят в каждой дворянской семье, потомки которой уцелели до наших дней.

Тем удивительнее, что в то время и много лет спустя в России при советской власти дворянская геральдика продолжала жить. Правда, происходило это в мало известной сфере и в необычной форме – на книжных знаках. Сегодня трудно поверить, но дворянские гербы открыто, а иногда и как бы нарочито напоказ помещались в двадцатых и даже тридцатых годах на многих русских экслибрисах.

Не касаясь ряда гербовых знаков, появившихся в России на рубеже 1917–1918 гг. и уходящих замыслом в предреволюционное прошлое, отметим среди гербовых экслибрисов 1919 года знаки работы Н. Н. Купреянова (1894–1933). В самый разгар гражданской войны этот будущий мастер книжной иллюстрации сделал для себя два геральдических экслибриса. Еще раз он обратился к геральдике в 1923 г., поместив элементы родового герба Вержбицких на сюжетном экслибрисе.

Вероятно самое заметное место в создании русских гербовых книжных знаков в первые послереволюционные годы занимает петербургский художник и архитектор Александр Меркурьевич Литвиненко (1883–1932)[2]. Точность воспроизведения геральдической символики на его знаках обеспечивалась советами (а иногда и замыслом) друга художника, выдающегося гербоведа В. К. Лукомского (1882–1946). Для него Литвиненко сделал в 1922 г. один из лучших своих гербовых экслибрисов. В том же и следующем году он создает знаки с фамильными гербами для литературоведов супругов де-Бонди, искусствоведа В. К. Охочинского и его сына, коллекционера и музейного работника А. А. Войтова, для Б. Н. Коломарова, А. С. Соколовского, Т. С. Пассек и других. Своеобразны два гербовых знака его работы (1923 г.) для библиотеки Лихаревых. На одном – перед православным храмом и мечетью сидят русский и татарский воины в средневековом вооружении, а их разделяет памятник с гербом Лихаревых. На втором – родословное дерево 15 поколений Лихаревых с 1391 по 1879 г.

В эти же годы гербовые экслибрисы для одного лица иногда выполняли даже несколько художников. Например, для автора книг о русском книжном знаке В. Я. Адарюкова (1863–1932) два экслибриса с гербом его матери – Камыниных-сделали известный книговед А. А. Сидоров (1891–1978) и саратовский художник А. В. Скворцов (1894–1965). С этим же гербом в 1925 г. для Адарюкова выполнил экслибрис замечательный вологодский художник Н. П. Дмитревский (1890–1938), жизнь которого оборвалась в ходе репрессий. На этом знаке помещены фолиант, фигура первопечатника Федорова, картина Рембрандта, а герб Камыниных отодвинут в верхний угол знака, как бы теряясь в его сложном рисунке.

Тогда же еще один талантливый иллюстратор-ксилограф Н. И. Пискарев (1892–1959) сделал слегка стилизованный гербовый экслибрис для библиофила, издателя журнала двадцатых годов "Среди коллек-

Рис. 1. Экслибрис Н. Н. Купреянова, (авторский), 1919 г.

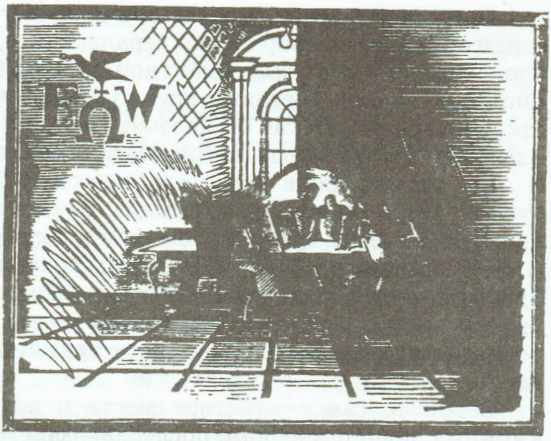

Рис. 2. Экслибрис Е. Вержбицкой. Худ. Н. Н. Купреянов, 1923 г.

Рис. 3. Экслибрис В. К. Лукомского. Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

Рис. 4. Экслибрис Н. В. Охочинского. Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

ционеров" И. И. Лазаревского (1880–1948). Известны и другие экслибрисы семьи Лазаревских в те годы с изображением сидящих на задних лапах собак с фамильного герба.

Ранняя смерть прервала работу петербургского ксилографа Н. Л. Бриммера (1898–1929), который сделал несколько прекрасных гербовых книжных знаков. В частности, – для своей жены и тоже художницы Н. К. Фан-дер-Флит. На этом знаке лев со стрелой в лапе с родового герба тестя помещен художником на кормовом флаге фрегата петровского времени на Неве у Петропавловской крепости. В свою очередь и сама Фан-дер-Флит сделала для мужа экслибрис с гербом фон-Бриммеров.

В 1925 г. в Петербурге появился и гербовый экслибрис, выполненный Т. Ф. Белоцветовой для Н. С. Бекташева. На знаке рядом с черкесом на коне изображен герб Бекташевых, каска и палаш, указывающие на службу владельца знака в прошлом в тяжелой кавалерии.

На конец двадцатых годов пришелся еще один заметный всплеск в создании гербовых экслибрисов. В Москве в 1928 г. А. К. Пожарский (1862–1945) делает для себя портретный книжный знак, на котором его силуэт в овальном медальоне как бы парит над Красной площадью с памятником Минину и Пожарскому в ее центре. А там, где, по преданию, ранили победителя поляков в 1612 г., на каменной плите в углу рисунка помещен родовой герб Пожарских. Над плитой поднимается дуб, обвитый лентой с надписью: "Любовь и уважение к прошлому, родине, предкам облагораживает человека".

Этот же художник в следующем году делает чисто геральдический знак для И. О. Скорино, следуя "старому стилю" в гербовых экслибрисах. Таков же стиль и в гербовом знаке (1928 г.) работы известного графика Л. С. Хижинского (1896–1973) для Н. Н. Щекотихина. Ранее (1925 г.) Хижинский выполнил очень небольшим тиражом (50 экземпляров) для исследователя русской графики, друга А. В. Чаянова Сократа Клепикова сюжетный знак. Но на нем над башней Московского Кремля в лучах солнца виден герб (рода Силин).

В самом конце 1920-х или даже в начале 1930-х гг. разносторонний журналист и библиофил К. И. Дунин-Борковский, не избежавший вскоре трагедии репрессий, сделал для своей обширной библиотеки серию гербовых экслибрисов. Одни из них более, другие менее соответствуют требованиям геральдики и советам, полученным Дунин-Борковским от В. К. Лукомского.

Перечень русских гербовых книжных знаков этих лет можно продолжать и вероятно он будет пополнен новыми находками. Однако вряд ли их будет очень много. Ведь к началу тридцатых годов не только были закрыты почти все организации библиофилов, экслибрисистов и другие подобные культурные общества, но и сами экслибрисы

Рис. 5. Экслибрис В. К. Охочинского.
Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

Рис. 6. Экслибрис А. А. Войтова.
Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

Рис. 7. Экслибрис Б. Н. Коломарова.
Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

Рис. 8. Экслибрис А. К. Соколовского.
Худ. А. М. Литвиненко, 1922 г.

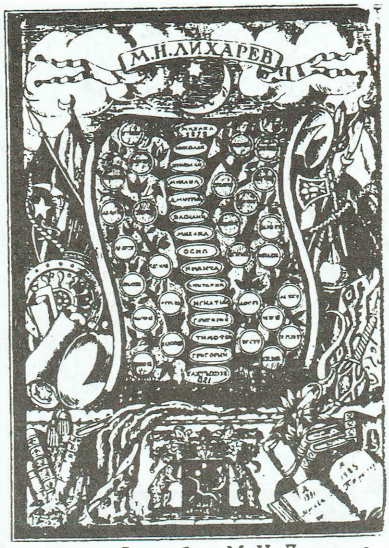

Рис. 9. Экслибрис М. Н. Лихарева.
Худ. А. М. Литвиненко, 1923 г.

Рис. 10. Экслибрис В. Я. Адарюкова.
Худ. А. А. Сидоров, 1923 г.

Рис. 12. Экслибрис И. И. Лазаревского.
Худ. Н. М. Пискарев, 1924 г.

Рис. 11. Экслибрис В. Я. Адарюкова.
Худ. А. В. Скворцов, 1928 г.

Рис. 13. Экслибрис Н. К. Фан-дер-Флит.
Худ. Н. Л. Бриллер, 1925 г.

Рис. 14. Экслибрис А. К. Пожарского
(авторский), 1928 г.

Рис. 15. Экслибрис И. О. Скорино.
Худ. А. К. Пожарский, 1929 г.

Рис. 16. Экслибрис Н. Н. Щекотихина.
Худ. Л. С. Хижинский, 1925 г.

Рис.17. Экслибрис К.И.Дунин-Борковского (авторский), 1920-е гг.

Рис.18. Экслибрис К.И.Дунин-Борковского (авторский), конец 1920-х гг.

Рис. 20. Экслибрис М. А. Наумова. Худ. Л. Н. Бауер, 1920-е гг.

Рис.19. Экслибрис К.И.Дунин-Борковского (авторский), начало 1930-х гг.

Рис. 21. Экслибрис В. С. Арсеньева.
Худ. А. А. Круглый, 1922 г.

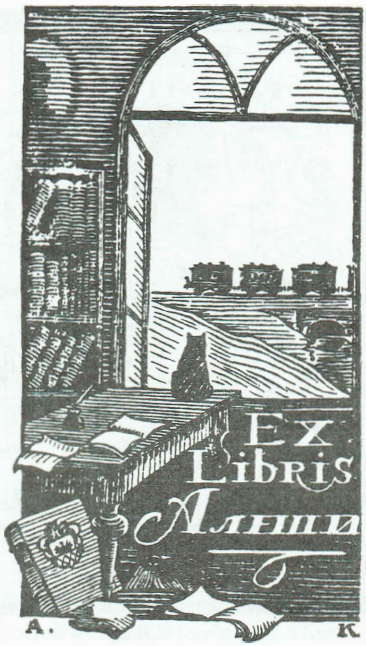

Рис. 22. Экслибрис А. Нарышкина.
Худ. А. А. Круглый, 1929 г.

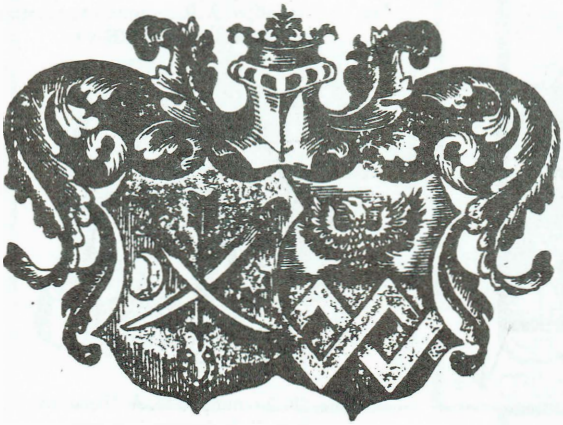

Рис. 23. Экслибрис В. С. Арсеньева.
Худ. А. А. Круглый, 1928 г.

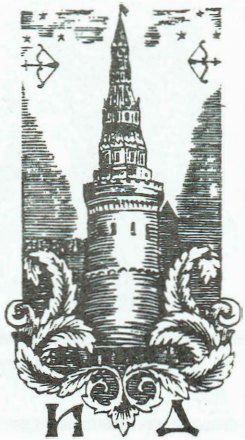

Рис. 24. Экслибрис И. Н. Давыдова.
Худ. А. А. Круглый, 1929 г.

были объявлены в прессе носителями "буржуазности". Создавать экслибрисы вообще, а тем более с дворянской геральдикой становилось не менее опасно, чем в годы первого красного террора. Именно поэтому, в частности, особое место в рассматриваемой теме занимает деятельность в экслибристике человека необычной биографии Алексея Алексеевича Круглого (1887–1956)[3].

В 1919 г. он впервые занялся экслибрисом и в технике офорта сделал для себя книжный знак с гербом Круглых в декоративном обрамлении. Гравированная доска была в те годы утеряна, сохранилось всего несколько по существу пробных экземпляров этого гербового знака. Свой же первый тиражированный экслибрис А. А. Круглый сделал в 1922 г. для своего товарища по Лицею Цесаревича Николая и Археологическому институту в Москве В. С. Арсеньева, опубликовавшего еще до 1917 г. около 150 работ по генеалогии, геральдике, археологии и среди них – историю дворян Арсеньевых с 1389 по 1901 г.[4] На этом экслибрисе в технике линогравюры изображен слегка стилизованный герб Арсеньевых, но с наметом, под шлемом с короной. Латинская надпись по краю знака гласит: "Третье книжное собрание Арсеньевых 1389–1922". Через шесть лет Круглый по просьбе Арсеньева гравирует на дереве точное повторение старого книжного знака Арсеньевых, на котором их герб помещен рядом с гербом родни по женской линии – Нарышкиных. Гравюра Круглого, подлежавшая раскраске перед помещением экслибриса на книгу, отличалась от старого знака лишь датой "1928", поставленной под гербами.

В 1929 г. А. А. Круглый в последний раз выполняет просьбу старого друга и создает книжный знак для племянника В. С. Арсеньева Алеши Нарышкина. Об этом мальчике с печальной судьбой подробнее стало известно недавно из книги кн. С. М. Голицына[5]. В гравюре на дереве Круглый изобразил кота, смотрящего через открытое окно на уходящий поезд, а на одной из книг, разбросанных у письменного стола, поместил герб Нарышкиных.

Такой прием размещения герба на экслибрисе среди отвлекающих чужой взгляд предметов не раз применялся и ранее. Например, А. М. Литвиненко еще в начале двадцатых голов в книжном знаке для Валентины Давыдовой-Стелькер поместил родовой герб Давыдовых на обломке колонны в нижнем углу архитектурного пейзажа. А в 1929 г. А. А. Круглый еще более осторожно показывает этот герб на экслибрисе И. Н. Давыдова, сына своего однокашника и друга по Лицею. На знаке помещена часть главных элементов герба Давыдовых – звезды и луки со стрелой и натянутой тетивой – в виде украшений рядом с шатром одной из башен Московского Кремля. Можно упомянуть еще один пример "тайного" показа А. А. Круглым на книжных знаках запрещенных в стране атрибутов, хотя они прямо не относятся к геральдике. Речь идет об экслибрисе того же года для сослуживца

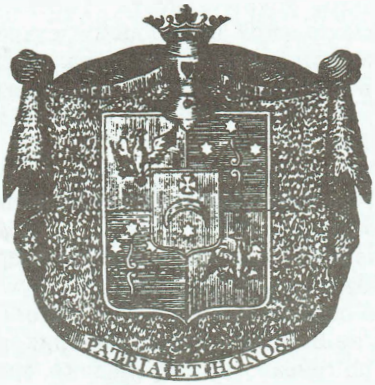

Рис. 25. Гербовый экслибрис (XIX в.) Давыдовых

Рис. 26. Экслибрис А. Е. Раевского. Худ. А. А. Круглый, 1929 г.

Рис. 27. Экслибрис А. А. Круглого (авторский), 1922 г.

Рис. 28–29. Экслибрисы А. А. Круглого (авторские), 1920-е гг.

Рис. 30. Экслибрис А. О. Круглого. Худ. А. А. Круглый, 1928 г.

Круглого, фотографа ЦАГИ, а в прошлом русского аса, награжденного орденом Св. Георгия не только IV, но и III степени. А. А. Круглый поместил их изображения на книжном знаке, но так, что для неискушенного зрителя кресты вышлядят как снятые с аэроплана винты.

Еще в 1922 г. А. А. Круглый создает свой любимый экслибрис с родовым гербом – совой под дворянской короной и в круге, создающем как бы перекличку с фамилией владельца знака. Этот откровенно гербовый экслибрис воспроизведен в 1931 г. (!) в изданной В. К. Лукомским (тираж 150 экземпляров) "Летописи" уже не существовавшего к тому времени общества[6]. В изложении сделанного еще в 1928 г. доклада А. К. Мартенса – "Говорящие книжные знаки" (т. е. экслибрисы, сюжет которых передает фамилию владельца) проводится параллель с "говорящими гербами", когда созвучный символ – родовая эмблема. Свою родовую эмблему А. А. Круглый помещал и на других семейных экслибрисах – малоформатных для себя (1926 г.) и на знаке для отца, сделанном к пятидесятилетию в 1927 г. его первой научной публикации.

В первые 10–15 лет после 1917 г. создавались и псевдо-геральдические экслибрисы с вымышленными гербами, как бы предвосхищая более чем на полвека недавнюю вспышку в стране этого явления. Таковы, например, книжные знаки А. А. Толоконникова (1925 г.) для библиофила А. Г. Миронова (в "герб" включены книга, серп, пронзенное стрелой сердце), Н. Л. Бриммера (1926 г.) для А. И. Аникеева (книга, факел, жезл Меркурия) и др. Известны и такие курьезы, как появление в эти годы книжного знака некоего Б. Н. Федорова с полным повторением герба... графа Аракчеева.

При изучении послереволюционных гербовых книжных знаков бросается в глаза то, что надписи на многих из них следуют старой орфографии, отмененной в 1918 г. – как бы бессильное, но гордое сопротивление идее "разрушения до основания".

Примеры создания гербовых экслибрисов в России после 1917 г., приведенные в этой небольшой статье, думается показывают, что поднятая в заглавии тема заслуживает дальнейшего исследования. Одной из его целей могло бы стать составление каталога послереволюционных геральдических экслибрисов, как это уже сделано по некоторым другим темам русской экслибристики. Это явится и определенным вкладом в воссоздание более полной картины сохранения традиций отечественной геральдики в нашем столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Изучение книжных знаков (экслибрисов) – молодая вспомогательная дисциплина, возникшая на стыке вспомогательных исторических дисциплин и искусствоведения, пока

находится на ранней стадии развития. Само название дисциплины не устоялось. Часто оно звучит как "экслибрисистика", хотя законы речи явно требуют устранения лишнего слога в окончании и говорить "экслибристика" (подобно фалеристике, бонистике и т. п.).

[2] Э. Ф. Голлербах. Книжные знаки А. М. Литовченко. Л., 1924. В книге воспроизведено с подлинных досок большинство гербовых экслибрисов работы художника.

[3] Потомственный дворянин, сын московского окружного инспектора по линии просвещения, А. А. Круглый окончил в Лицее Цесаревича Николая гимназический и университетский курсы, став дипломированным юристом. Затем в хронологическом порядке были: Археологический институт, работа цензором, служба в царской, а позже мобилизация в Красную армию, трибунал, безработица, служба счетоводом, наконец работа в ЦАГИ, где он прошел путь от чертежника до конструктора, участвовавшего, в частности, в создании знаменитого петляковского пикирующего бомбардировщика. Однако память об А. А. Круглом сохранилась прежде всего как о москвоведе и художнике-экслибрисисте.

[4] В. Арсеньев. Октябрьские дни 1917 г. // "Московский журнал", 1993, № 9, с. 40—43.

[5] См. С. Голицын. Записки уцелевшего. // М., 1990, с. 262—263.

[6] "Летопись Ленинградского общества экслибрисистов" // Труды ЛОЭ, вып. XIII. Л., 1931, с. 2.

ГОРНУНГ Михаил Борисович, лауреат Государственной премии СССР (1987 г.), член Московского клуба экслибрисистов, член-корреспондент Всероссийского Геральдического Общества, г. Москва.

Рис. 31. Экслибрис А. И. Аникеева.
Художник Н. Л. Бриммер, 1926 г.